

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ АЛИАГИ ШИХЛИНСКОГО

Продолжение.
Начало см. в № 5, 6, 7, 8

Её отец, учитель Закавказской Учительской семинарии, Молла Гусейн Гаиров представил согласно Уставу, послужный список о своей службе и законный акт, свидетельствующий о принадлежности к состоянию, дающему право его дочери поступить в Институт. Как следует из послужного списка, он был из «высшего звания», которое его предки получили ещё при Ханском владычестве. Это подтвердил Комитет об устройстве между мусульманским народонаселением Закавказского края высшего сословия, образованный ещё при Главноуправляющем Закавказским краем Головине. Так что, этот вопрос был решённым.

Не представляло сложностей и получение от местных начальников удостоверения об его небогатом финансовом состоянии, свидетельства из Духовного управления о законном рождении Нигяр, подтверждение медицинского освидетельствования о здоровом телосложении и справки о натуральной или привитой оспе.

Остаётся вопрос об её образовательной подготовке. Институт работал на русском языке, поэтому при поступлении девицы должны были уметь читать и писать на русском языке. Ранее такие же требования были в отношении французского языка, но в 1879 году в Закавказском девичьем Институте их отменили. Ещё Нигяр должна была уметь считать до ста.

Мы предположили, что Нигяр, проживая в Гори с отцом, получила домашнее образование у него и его сослуживцев. Подтвердить эти знания должны были два учителя, работающих в казённых учебных заведениях, с удостоверением, соответствующим образом, подписанности их подписи.

Марина Петрова в своей публикации ошибочно утверждает, что до поступления в Институт Нигяр «вместе с сестрой окончили русскую гимназию». Эти два учебных заведения давали среднее образование, для поступления в которые нужно было иметь начальное.

Сведения, опубликованные в газете «Кавказ» в 1881 году, на наш взгляд, позволяют определить место её начального обучения. В 1880 году местные ревнители просвещения татар при «Тифлисском мусульманском суннитском Благотворительном Обществе» открыли школу для учеников и учениц. Основанием послужило «Положение об управлении Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения» от 1872 года, согласно которому мullaм разрешалось обучать детей мусульман грамоте и мусульманскому вероучению.

В 1881 году впервые состоялся публичный экзамен по мусульманским и русским общеобразовательным предметам. Этот экзамен удостоили своим посещением: Попечитель Кавказского учебного округа тайный советник Кирилл Петрович Яновский, Закавказский мурфий хаджи Гамид-эфенди Мустафа-эфенди-заде, директор училища С.Н.Стрелецкий, попечитель и попечительница училища Хасан и Рабия Тереховы, члены суннитского Духовного

правления, члены мусульманского Благотворительного Общества и другие лица, интересующиеся начатками просвещения между местными мусульманами.

Благодаря особенному усердию Моллы и учительницы Мосоловой успехи 30 учеников и учениц превзошли ожидания. Все дети научились читать и писать на родном и русском языках, свободно изъяснялись на русском и хорошо усвоили начала арифметики. Всем учащимся в награду были розданы книги на двух языках, в зависимости от прилежания. Молле, в знак благодарности, подарили перстень, а учительнице – браслет. Учёба в школе продолжилась и 1882 году и есть основания предположить, что эту школу посещала и Нигяр. В этом же году местное суннитское общество открыло училище, главной задачей которого было распространение образования между закавказскими мусульманами. Известно, что инициатором создания этих учебных заведений для мусульман был Молла Гусейн Гаиров. Вероятно, он представил в Совет Института справку о начальном образовании Нигяр, которое она получила в официально признанной школе.

В 1882 году Совет состоял из начальницы и членов. Среди них Попечитель Управления Кавказского учебного округа К.П.Яновский, как представитель Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Он наблюдал за учебной частью Института и мог обращаться по нуждам института непосредственно к Императрице. А также инспектор классов надворный советник Павел Эрнесто-

ламентской библиотеке Грузии и в других источниках, не оказалось.

Институт относился к типу закрытых заведений, где учащиеся находились на полном пансионе с обязательным проживанием в течение учебного года. В соответствии с §26 Устава всё время воспитания в Институте ни одна девица за его пределы не выпускалась, за исключением тяжёлой болезни или смерти одного из родителей. И это возможно было только в том случае, если грустное событие произошло в Тифлисе. Воспитанницу могли отпустить в сопровождении Класной дамы на несколько часов с тем, чтобы к вечеру они обязательно вернулись.

Класная дама (а не класная надзирательница, как в других женских заведениях) присутствовала постоянно и осуществляла, с одной стороны постоянный надзор за поведением воспитанниц. В то же время для многих из них она становилась ангелом-хранителем. Как правило, на эту должность принимали либо вдов, либо незамужних девиц с образованием.

Встреча с родителями была возможна только в воскресный день с 3 до 6 часов в присутствии той же Класной дамы. При этом было запрещено получение вещей и припасов из дому. Письма к родителям или от них доставлялись через Начальницу, которая их прочитывала. Вход в Институт посторонним был категорически запрещён. Этим он отличался от женских гимназий, где ученицы были приходящими, и от учебного заведения Св.Нины, которое имело другой режим работы. И не только этим...

Нигяр в Институте находилось 200 воспитанниц, т.е. в каждом классе приблизительно более 30 человек. И на каждый класс – по две Класные дамы.

Деятельность Института была основана на религиозно-нравственных началах в соответствии с местными условиями семейного и общественного быта. Девицы, как будущие члены общества, должны были учиться, как для себя, так и для наставления своих детей или тех, которых они призваны будут обучать. Их образование в Институте включало в себя три направления: нравственное воспитание, умственное образование и физическое воспитание. Но главной целью было «образование их сердец», что можно было достичь, прежде всего, нравственным воспитанием. Именно поэтому девицы назывались воспитанницами, а не ученицами.

Нравственное воспитание, в свою очередь, было основано на религии. Отсюда первым предметом были уроки Закона Божьего, по два урока в неделю в первых трёх классах и по 1 часу – в последующих четырёх.

Религиозное образование должно было «утверждать в сердцах веру в Бога, упование на Его промысел, преданность Святой Его Воле, любовь к ближнему и внушать непоколебимую преданность Престолу, благоговейную признательность Августейшим их Покровителям и пламенную любовь к Отечеству, и всеми мерами поддерживать в сердцах девиц привязанность к родителям, воспитателям и повиновение им».

вич Меллер и управляющий хозяйственной частью Тарасий Иванович Мулин.

Согласно Уставу, на казённое содержание принимались девицы, которым на день общего приёма 1 августа было от 8 до 11 лет. Нигяр была зачислена почти за три месяца до окончания последнего, критического срока, так как 23 октября этого года ей исполнялось 11 лет. Вполне возможно, что до этого уже были попытки, которые не увенчались успехом по следующей причине. Так, число девиц, желающих поступить на казённый счёт, могло превышать количество выделенных мест. В этом случае дело решала судьба. В день, обозначенный как день приёма, все желающие и имеющие право поступить на казённый счёт, являлись в Институт в сопровождении родственников и публично проходили баллотировку – просто тянули жребий. Дети со страхом подходили к столу, за которым располагался Совет Института, и вынимали роковой билет, на котором стояло счастливое – «принята» или, вызывающее слезы – «не принята».

Списки принятых затем печатали в газете «Кавказ» либо в «Тифлисском листке». К сожалению, газет за эти месяцы в электронной Национальной Пар-

Таким образом, Институт для Нигяр стал на семь лет (семь классов с годичным курсом в каждом) домом и семьей. Её жизнь проходила по строго заведённым с 1874 года порядку. Подъём по звонку колокольчика и появления в комнате в 6 утра (с 1 апреля по 1 октября) или в 6.30 (в зимнее время) Класной дамы. Занятия в классах начинались в 8 утра. В промежутке этого времени необходимо было быстро одеться (что имело свои сложности и требовало определённого времени), умыться в очереди, совершить общую молитву и с 7.45 до 8 часов откушать чай или молоко с булкой.

Затем шли три урока продолжительностью 1 час каждый и 15-минутными между ними перерывами. В 11.30 завтрак из двух блюд и опять следующие два урока до 14.15 часов, в 15 часов – обед из трёх блюд. После обеда отдых или прогулка. Вечером подготовка к учёбе и преподавание искусств: рисования, пения и музыки, рукоделия или танцев. В 21 час ужин из двух блюд (чай или молоко с булочкой, летом – фрукты), общая молитва и в 22 часа сон в dortурах (комнатах) вместе с остальными одноклассниками. Занятия проходили с понедельника по субботу. В период учебы

Институт предоставлял воспитанницам право изучать Божьи Законы в соответствии со своей религией. Занятия проводилось раздельно с воспитанницами, принадлежащими к православному, армянскому, католическому, лютеранскому и мусульманскому вероисповеданиям, под руководством соответствующих духовных наставников. Образовательный процесс осуществлялся в рамках утвержденных программ.

Религиозное воспитание мусульманки Нигяр-ханум шло по «Правилам», которые были утверждены 21 августа 1865 года Государственной Императрицей Марией Александровной. Ранее было отмечено, что в женских учебных заведениях обучаются и воспитываются девицы-магометанки. При постоянно развивающейся потребности в образовании ожидали, что количество желающих, будет увеличиваться. Тогда были разработаны и направлены в учебные заведения Циркуляром от 9 Сентября 1865 года за № 1857 «Правила религиозного воспитания магометанок».

На снимках: воспитанница Института Нигяр; суннитская мечеть

Продолжение следует.

Тамара ГУМБАТОВА.